

Луна заливала серебром верхушки деревьев. В ночной тишине ухал филин, а джунгли уходили в бесконечную даль, пряча свои тайны в сплетении узловатых корней.

Воздух в комнате, казалось, раскалился до предела. Одно неловкое движение — и завязалась бы перестрелка, которая в мгновение ока развеяла бы пороховым дымом весь этот чувственный флёр.

Бонайвэнь вдруг вздрогнул плечами и гадко, сально захихикал.

Этот ублюдок развернулся и скомандовал своим людям убираться. С его точки зрения, всё выглядело вполне логично: босс Чжан поймал в Мьичине сбежавшего любовника и теперь прямо в постели устраивал ему хорошую трепку за побег. Придаться было не к чему.

Подозрения, конечно, никуда не делись, и слежку сворачивать никто не собирался, но нужно было дать людям закончить дело. В конце концов, все они были мужчинами и прекрасно всё понимали.

— Босс Чжан, не поминайте лихом, вышло недоразумение. Не держите на нас зла.

— Пошли, пошли... Сворачиваемся!

У всей этой оравы головорезов в штанах уже давно стояло колом. Возбуждённые, с помутневшими от похоти рожками, они только и мечтали поскорее закончить дежурство, вернуться в казармы и завалиться к девкам.

Пэй И наконец расслабил пальцы и шумно выдохнул.

Рот его всё ещё был заклеен скотчем. От дикого напряжения он так сильно впивался пальцами в спину Чжан-цзуна, что едва не расцарапал её до крови.

Он приподнял край одеяла: из-за пояса выскользнул армейский штык-нож. Трёхгранный, с глубокими долами для стока крови, отливающий мертвенно-холодным блеском.

За окном послышался едва различимый шорох — шаги по каменным выступам барельефа, один, затем другой. Пэй И замер, прислушиваясь. Судя по всему, командир Лэй взобрался на крышу и скрылся...

Чжан Шаочи прижал его к своей груди и тяжело прошептал на ухо:

— Ушли?

Чжан-цзун резким движением сорвал скотч с его губ.

Пэй И слабо выдохнул:

— Кажется... ушли.

Чжан Шаочи, всё ещё не в силах унять дрожь, с подозрением огляделся по сторонам:

— Вернутся? Вдруг решат проверить?

— Всё может быть, — отозвался Пэй И. — Эти твари непредсказуемы. Сейчас их сдерживает только твоё влияние и авторитет моего отчима. К тому же они до конца не уверены, кто я такой, так что рубить с плеча не станут. Всё-таки мы в Мьичине, под самым носом у властей. Будь мы в диких джунглях, нас бы давно пристрелили и скормили тиграм. Никто и костей бы не нашёл.

Чжан Шаочи хищно прищурился:

— Самый свирепый тигр здесь — это я.

Опасность ходила по пятам, за каждым углом ждала засада, и липкий пот выдавал, насколько они были на грани. Но сейчас, соприкасаясь разгорячёнными, влажными телами, они словно заново выворачивали души наизнанку, отдавая друг другу бьющиеся сердца.

Пэй И тихо спросил, утыкаясь ему в плечо:

— Зачем ты приехал, глупый? Ведь это смертельно опасно.

— А сам как думаешь? — хрипло отозвался Чжан-цзун.

— Не боишься умереть?

— Только если в твоих объятиях.

Столь бесстыдные и одновременно обезоруживающие слова мог произнести только этот упрямец. И, что самое удивительное, ему хотелось верить.

Пэй И прикрыл рукой лицо, влажное от испарины. Ему казалось, что он тонет в душных дождевых лесах, а в уголках глаз закипали слёзы, которые никак не получалось утереть. Теперь он знал наверняка — они безумно, до судорог дороги друг другу.

Взгляд Чжан Шаочи скользнул ниже:

— Соскучился по мне, малыш?

У Пэй И вспыхнули уши. Ему даже не нужно было смотреть на себя, чтобы понять, в каком он смятении. Тонкая ткань белья не могла скрыть его бешеного, непреодолимого возбуждения. Ещё когда мужчина навалился на него сверху, прижимаясь всем телом, он позорно, до боли затвердел. Под одеялом бушевал настоящий пожар.

Чжан Шаочи накрыл этот напряжённый бугор ладонью прямо сквозь ткань. Пэй И попытался свести бёдра, чтобы уйти от прикосновения, но его робкое сопротивление лишь привело к тому, что самая чувствительная плоть оказалась зажата в сильных пальцах. От этого трения бельё мгновенно потемнело, пропитавшись влагой возбуждения.

Для таких людей, как они, маска хладнокровия была второй кожей. Годы жестоких тренировок и выученная холодность приучили их подавлять любые слабости. Именно поэтому в Шестом отделе Пэй И считался феноменальным исключением — ходячим противоречием, скрывающим под напускным равнодушием неистовый темперамент.

Дать волю влаге — значило проявить слабость.

И эта слабость теперь проступала везде: на его белье, на покусанных губах, в блестящих глазах. Жажда близости лишала его всякой защиты.

Его мужчина тоже был на пределе. Тяжёлая, горячая плоть уже вырвалась из-под резинки белья, заявляя о своей силе.

Чжан Шаочи не выдержал. В несколько движений он сорвал с них обоих остатки одежды. Несмотря на то, что они знали тела друг друга наизусть, эта полная нагота заставила их дрожать от нетерпения. Холодный воздух и отзвук недавнего страха лишь разжигали огонь, напоминая о близости опасности.

Всю эту гнетущую тревогу, вкус крови и душевную травму можно было заглушить только одним способом. В конце концов, какая проблема не решается хорошим сексом?

Лицо Чжан Шаочи горело от прилившей крови. Он зарылся губами в шею Пэй И:

— Возьми в рот. Пожалуйста.

— Чжан-гэ, я... нет, давай по-другому! — Пэй И лихорадочно, дрожащими пальцами ласкал его пах, отвыкнув от таких ласк.

У Чжан Шаочи покраснели глаза:

— Я сейчас кончу прямо так! Иди сюда, хочу тебя!

Пэй И прижал ладонь к своей шее, затем провёл по груди к низу живота:

— Гэ, они прооперировали меня... убрали всё. Я хочу сказать...

Чжан-цзун на секунду опешил:

— Какая ещё операция?

— Этот сумасшедший... точнее, нет, командир Лэй... — Пэй И часто закивал, его горло судорожно сжалось от переполнявших эмоций. — Во мне нет никакого взрывателя.

Чжан Шаочи застыл:

— Что?!

— Не было его! С самого начала не было, они просто врал! — в голосе Пэй И слышалась детская обида. — Из-за их лжи я лишился памяти. И лишился тебя.

Босс Чжан наконец начал понимать, в чём дело.

Осознание этой правды обрушилось на него лавиной, требуя времени, чтобы уложиться в голове. Оба чувствовали себя растерянными и оглушёнными.

Ему и самому нужно было время, чтобы вытащить детонатор из собственного мозга. Все эти недели он спал и видел, как держит в руках хрупкую, смертоносную игрушку, которая может взлететь на воздух в любую секунду. И тут выясняется, что его просто наебали. Всё в порядке, его парень цел и невредим, такой же, как в день их первой встречи. Мать вашу, их просто развели как лохов!

Он крепко, до хруста прижал Пэй И к себе. Они смотрели друг другу в глаза, безмолвно переспрашивая одними губами:

«Правда? Всё действительно так?»

Чжан Шаочи провёл шершавым от мозолей пальцем по его горлу:

— Здесь ничего нет?

Затем по ключицам:

— И здесь?

По груди.

По запястьям.

По лодыжкам.

...

Наконец его широкая ладонь опустилась на низ живота Пэй И и скользнула ещё ниже, зарываясь в мягкие волосы в паху:

— И тут пусто?

Горячее прикосновение к изнывающей от желания плоти заставило Пэй И сладострастно застонать. Его взгляд поплыл. Он не собирался ломаться или тратить драгоценные минуты на пустые разговоры.

Чжан Шаочи широко развёл его ноги, закинул их себе на плечи и с силой навалился сверху.

Сквозь полуприкрытые веки Пэй И смотрел на рельефные мышцы груди своего мужчины, впиваясь в них влажными пальцами. Этот мощный, пропитанный первобытным желанием силуэт кружил ему голову. Понимая, что сейчас произойдёт, он всем существом потянулся навстречу, оплетая любимого ногами и умоляюще шепча:

— Гэ...

Чжан Шаочи сжал его плечи, обхватил лицо пальцами, жадно впиваясь в губы, пока его ладони фиксировали подколенные впадины.

— Хочешь?

Он резко прижал его колени к груди, практически складывая пополам. Пэй И задохнулся от этого натиска.

— Соскучился по мне, а?

Пэй И лишь отчаянно кивнул. Перед его затуманенным взглядом Чжан Шаочи подался вперёд и вошёл в него одним мощным, глубоким толчком.

— А-ах!..

Резкий крик сорвался с его губ.

Тело словно раскололось надвое, но эта боль тут же сменилась обжигающим теплом, уносящим его прочь от всех кошмаров прошлого. Горячая волна смыла горькие воспоминания, даруя долгожданное перерождение.

Раскалённая плоть пронзила его насквозь. Разум Пэй И окончательно выгорел в этом безумном пламени.

Боль была слишком острой, слишком реальной. Пэй И до боли вцепился ногтями в плечи Чжан Шаочи, который тоже мелко дрожал от перенапряжения. Их взгляды встретились.

Из груди Чжан Шаочи вырвался глухой рык. В этот миг, полный невыносимого наслаждения и острой боли, ему показалось, будто они действительно взлетели на воздух. Бомба внутри них существовала — она была соткана из безумной любви, сковавшей их сердца. И они, не задумываясь о последствиях, вместе шагнули в это очищающее пламя.

Слияние тел, стирающее любые преграды, наконец избавило их от горечи долгих пяти лет разлуки. Тоска, сводившая с ума все эти годы, растворилась в неистовых поцелуях, в жадных поисках родных губ и преданных взглядов.

А ведь где-то там, за дверью, вполне могли стоять чужие люди — слушать, подглядывать, выжидать удобного момента.

Опасность, сжимавшая кольцо вокруг них, лишь добавляла остроты. Вкус страха смешивался со сладким привкусом греха. Каждый толчок, каждое соприкосновение разгорячённой кожи казались благословением, заставляя их содрогаться от неистового удовольствия.

Пэй И заворожённо смотрел, как Чжан Шаочи приподнялся на руках, шире раздвинул его бёдра и начал двигаться быстрее, напористее.

Твёрдые кости таза с глухим стуком сталкивались с его ягодицами. Каждый глубокий выпад отзывался сладостной мукой где-то глубоко внизу живота. Чжан Шаочи выжигал его дотла, шаг за шагом забирая себе то, что так долго было неприкосновенным, сокрушая последние барьеры.

Рушилась его внутренняя крепость, его самая сокровенная тайна.

Внезапно Чжан Шаочи покинул его тело.

Почувствовав внезапную прохладу, Пэй И распахнул полные мольбы глаза:

— Гэ?..

Чжан Шаочи рывком перевернул его на живот, перехватил запястья над головой и, толкнув тазом вперёд, заставил опуститься на колени.

Мужской хриплый голос обжёг ухо, звуча почти умоляюще:

— Малыш, раздвинь ноги.

— Ещё шире...

Раскалённая плоть вновь разорвала его изнутри, входя сзади. Толчки были настолько сокрушительными, что Пэй И не мог удержаться на коленях — его уносило вперёд, пока он не уткнулся лицом в измятую простыню.

Казалось, его сейчас разнесут на куски, намертво пригвоздив к постели.

Капли пота с груди Чжан Шаочи падали на щеку Пэй И. Наклонившись ниже, мужчина слизнул эту соленую влагу, а затем нежно коснулся его губ.

Его руки были намертво заломлены, а голени прижаты чужим весом. Это было похоже на изысканную пытку. С каждым новым глубоким толчком Пэй И всхлипывал, чувствуя, как массивный, набухший член бесстыдно скребёт самые чувствительные стенки внутри него, изливая туда потоки жара. Это было наказание. Сладкое, заслуженное наказание за все его прегрешения.

А может, то была добровольная жертва. Распятый на этой постели, он принимал каждое движение своего мучителя с благоговением.

«Во всём есть трещины, но именно через них проникает свет».

Слёзы смешивались со сладостной истомой, разум туманился. Плывая по волнам этого безумного экстаза, он то умирал от боли, то возрождался вновь, взлетая к небесам.

Каждый раз, когда он без сил падал на матрас, сильные руки Чжан Шаочи снова

приподнимали его за талию, возвращая в исходную позу, и грубо, безжалостно брали его снова и снова.

Они меняли позы, ненасытные и дикие, стремясь за эту ночь наверстать упущенные пять лет разлуки, воскресить в памяти всё до мельчайших деталей.

Это было похоже на последний бой, где отступать некуда. Им было плевать, кто встретит их завтра за порогом этой комнаты — банда головорезов или сам дьявол. Когда Пэй И со стоном уже готов был излиться, Чжан Шаочи крепко пережал его основание пальцами, не позволяя кончить.

Губы Чжан Шаочи лоснились от пота:

— Нравится? Скучал по мне?

Пэй И безумно закивал.

— Как сильно ты меня хотел? Все эти пять лет... Скажи мне, как сильно?! — требовал мужчина, продолжая терзать его тело.

— Гэ... ах!.. Ещё!..

Пэй И упирался локтями в простыни, весь мокрый, бледный, совершенно потерявший связь с реальностью под тусклым светом лампы.

— Я люблю тебя... Гэ...

В ответ на него обрушилась новая лавина поцелуев и яростных толчков. Громкий крик сорвался с его губ, когда горячая волна оргазма наконец накрыла их обоих, унося в небытие.

Эта ночь навсегда врежется в их память. Им была необходима эта животная, исступлённая страсть, чтобы почувствовать себя живыми, доказать преданность друг другу перед лицом смертельной опасности.

За эту ночь Чжан Шаочи взял своего возлюбленного трижды.

Пэй И был истощён, его кожа покрылась яркими отметинами от укусов и засосов. Чжан Шаочи бережно поднял его на руки и отнёс в ванную.

Когда тёплые струи коснулись израненного тела, Пэй И поморщился и попытался выскользнуть из-под душа, шлепая босыми ногами по мокрому кафелю.

Чжан-цзун перехватил его поперек живота:

— Куда это ты нагишом собрался?

Пэй И откинулся назад, прижимаясь спиной к его широкой груди. Вода заливала лицо. Ему хотелось, чтобы это мгновение длилось вечно — сгореть и возродиться вновь, словно феникс из пепла.

Но романтика под душем быстро уступила место новому приливу страсти.

— Гэ, перестань... м-м-м...

Два сильных мужских тела, скользкие от мыла и воды, сплелись прямо на пороге ванной. Они оставляли за собой мокрые следы, двигаясь к постели. Эту безумную ночь Чжан Шаочи будет вспоминать ещё очень долго.

Дерзкий, неприступный и всегда безупречный молодой господин Пэй сейчас был послушен как никогда. Чжан Шаочи вел его перед собой, шепча на ухо грязные приказы. Пэй И с трудом взобрался на кровать, позволяя мужчине снова овладеть им сзади.

Говорят, дикие хищники в джунглях могут спариваться сутками напролёт, забывая обо всем на свете.

Два изголодавшихся по ласке зверя на этой кровати сейчас мало чем отличались от них.

Пэй И безропотно отдавал себя, позволяя делать со своим телом всё, что вздумается. Растроганный этой покорностью, Чжан Шаочи нежно огладил его лицо, губы, прикрытые веки... А затем внезапно прижал его к себе с новой силой.

Ему пришлось приложить усилия, чтобы удержать выскальзывающее из рук влажное тело. Уткнувшись губами в его шею, он заставил Пэй И встать на колени лицом к стене, выпрямив спину.

Бронзовая кожа Чжан Шаочи блестела от влаги, источая умопомрачительный мускусный аромат. Пэй И послушно подчинился, его сознание уже угасало от усталости. Мужчина развёл его бёдра своими коленями, плотно прижимаясь сзади рельефным прессом...

Вход оказался слишком глубоким, заставив Пэй И жалобно всхлипнуть. Чжан Шаочи обрушился на него лавиной быстрых, безжалостных толчков, от которых крепкие бедра с глухим шлепком ударялись о его ягодицы.

Он порывался вырваться, свести ноги вместе, но бёдра были разведены слишком широко,

лишая его малейшего шанса на спасение.

Казалось, они вот-вот сольются в единое целое.

— Вот так ты никуда не денешься. Больше никогда не сбежишь от меня... Слышишь? Будешь ещё убегать?!

Пэй И лишь отчаянно мотал головой.

Переплетя пальцы, они слились в единое целое из плоти, пота и страсти. Чжан Шаочи прижал его руки к стене, продолжая безжалостно обладать им. Это длилось бесконечно долго, пока Пэй И со слезами на глазах не излился, после чего оба без сил рухнули на измятые простыни.

Пэй И хрипло рыдал, умоляя о пощаде.

Хватит на сегодня, иначе он действительно испустит дух.

Кости ломило от усталости, а душу выебли до самого неба.

— Пять лет. Ты задолжал мне целых пять лет, — сквозь зубы выговорил Чжан Шаочи, изливая всю свою накопившуюся обиду. — Сегодня я заберу этот долг сполна. Чтобы ты на всю жизнь запомнил эту ночь и больше никогда не смел исчезать.

— Больше не буду... Гэ... мы больше никогда не расстанемся.

В их душах когда-то пролегла трещина, но лишь для того, чтобы теперь они могли срастись ещё крепче.

В ночной тишине безмолвный силуэт скользнул по крыше, словно потревоженная птица, не оставляя следов на залитой лунным светом черепице.

Гнетущая тоска уносилась прочь вместе с порывами ветра, растворяясь в ночи.

Мир привык любоваться влюблёнными парами, но мало кто сочувствует тем, кто остался один. Любовь требует взаимности, и когда её нет, кому-то суждено вечно бродить в одиночестве.

Любовники, сгорая в огне собственной страсти, вели себя слишком шумно и неосторожно. Они и не заметили, как за тонкой белой занавеской на каменном выступе стены вновь возник призрачный силуэт.

Тень, замершая на барельефе с головой Будды, безмолвно наблюдала за ними сквозь стекло.

Красивое, покрытое испариной лицо Пэй И выражало такое глубокое, экстатическое упоение, словно он приносил себя в жертву на алтаре этой любви...

Лэй По хватило одного взгляда. Свет в его глазах померк. Закусив губу, он бесшумно развернулся и стремительно скрылся в густой листве деревьев.

В полумраке его собственной ванной комнаты на воде покачивались зажжённые свечи.

Командир Лэй плотно завернулся в огромное банное полотенце. И хотя в помещении никого не было, кроме крошечного красного паучка на стене, тот, словно испугавшись сурового взгляда, неловко сорвался со своей паутинки и упал вниз.

Из-под ткани виднелись уродливые рубцы — следы старых ожогов после взрыва, которые уже никогда не исчезнут.

Пути судьбы неисповедимы. Наверное, теперь командиру Лэю стоило бы помириться с заместителем начальника Чэнем — у них обоих были схожие душевные и телесные раны.

В душной испарине он упрямо натягивал на себя один слой одежды за другим, укутываясь с ног до головы, словно чёрный кокон.

Лэй По сел на полу, погрузившись в медитацию и бесконечные воспоминания. Время от времени на его губах появлялась горькая усмешка.

В полуприкрытых глазах мерцал тусклый свет. Эта улыбка могла бы показаться красивой, если бы не сквозившая в ней безысходность, граничащая с безумием.

Он взял подушку, аккуратно подпихнул её под куртку, прижав к животу, и долго-долго смотрел на неё невидящим взглядом.

Но сколько ни гляди, подушка не могла принять очертания того, кого он так жаждал обнять. Это было чистого вида помешательство.

Где теперь его свет? Его вера? Его прибежище?

Когда осознаёшь, что идеалы растоптаны, а прекрасный замок из грёз обратился в пыль; когда понимаешь, что сбился с пути, а единственный человек, которому ты верил безраздельно, презирает твои поступки и твой выбор... Оказавшись в изгнании, покинутый всеми, ты неизбежно начинаешь соскальзывать во тьму.

Он всё ещё питал иллюзию, что его близкая душа вернётся к нему.

А если нет... что ж, оставалось лишь довольствоваться похожим лицом в качестве слабого утешения.

Но даже это было невозможно.

Никто не заменит ушедшего, и никто не захочет быть послушной марионеткой.

Обмануть себя — задача невыполнимая, а уж провести проникательного и умного Пэй И и подавно. Командир Лэй тяжело вздохнул, признавая поражение.

Он горько усмехнулся, мысленно обзывая себя идиотом. Он оказался глупее мальчишек вроде Сяо Нина или Лэн Сяо. Неужели в его голове действительно что-то сломалось?

Прижав к себе подушку под одеждой, он прикрыл глаза, позволяя безумным фантазиям взять верх над разумом.

В таком положении, скрестив ноги, он провёл всю ночь в медитации до самого рассвета.

«У Тинмао обязательно пойдёт ва-банк, — пронеслось в его голове. — Ему нужно срочно сбыть товар».

«Если мы не нанесём упреждающий удар, он сделает это первым».

«В конце концов, в личных делах вашего поколения тоже когда-то были и отвага, и доблесть, верно?»

На следующий день все проспали до самого полудня. Виновника торжества нигде не было видно.

Медно-золотые лучи солнца пробивались сквозь густые кроны деревьев. В лесу слышалось ржание лошадей.

— Стоять! Всем стоять, мать вашу! Назад! Никому не двигаться!

Из чащи с обеих сторон дороги хлынула толпа наёмников и местных бандитов. Направив автоматы на всадников, они в грубой форме потребовали сдать оружие.

Эта лесная тропа неподалёку от отеля была кратчайшим путём к штату Шан. Именно здесь и перехватили выехавших на прогулку почетных гостей.

— Что за самоуправство? — недовольно протянул изящный, одетый во всё белое господин Пэй.
— Это лошади из отеля, мы заплатили за верховую экскурсию! С какой стати вы преграждаете нам путь и портите отдых?

— Никаких прогулок, — ухмыльнулся главарь бандитов. Ему было плевать, что там лепечет этот изнеженный хлыщ. Приказ босса был предельно ясен: поймать любого, кто попытается сбежать, и доставить назад целым и невредимым.

У Тинмао лично распорядился: ни одна птица не должна вылететь из лесов на окраине Мьичины.

Почувствовав за спиной силу, головорезы обнаглели окончательно.

Чжан Шаочи, уверенно держась в седле, небрежно поправил тёмные очки и шляпу от солнца. В его голосе сквозило ледяное презрение:

— Ладно. Возвращаемся. А ты, ублюдок, возьми мою лошадь под уздцы и веди обратно.

Босс Чжан скосил глаза на Пэй И, давая понять: «Без паники. Действуем по обстоятельствам».

Пэй И с самым скучающим видом принялся разглядывать свои ногти. От нечего делать он сорвал свисавшую с дерева лиану, быстро сплёл из неё подобие плотной плетки и пару раз с шумом рассёк ею воздух.

А затем, хулиганя, исподтишка стегнул коня Чжан Шаочи по крупу.

Когда их лошади поравнялись, Пэй И незаметно выпростал ногу из стремени и легонько задел сапог Чжан Шаочи, подавая ответный знак.

«Тебя ударить я не могу, а вот твоего жеребца — запросто», — так и читалось в его хитрых глазах.

Чжан-цзун усмехнулся:

— Перебирайся ко мне. Поедем вместе.

Пэй И высокомерно отвернулся:

— Мечтай больше.

Бандиты переглянулись и сально загыгыкали.

Ещё бы, ведь со вчерашнего вечера по лагерю ходили сочные слухи о том, как знатно эти двое разнесли спальню. Говорили, кровать ходила ходуном, стены едва не треснули, а уборщики нашли гору использованных презервативов. С раннего утра эта пикантная сплетня разлетелась повсюду, так что никто больше не сомневался: смазливый парень действительно был любимой подстилкой босса Чжана.

Их непринуждённый флирт не вызывал у конвоиров никаких подозрений.

В конце концов Пэй И действительно пересел на коня Чжан Шаочи, тесно прижавшись к его широкой спине и обхватив руками за пояс.

Со всех сторон — из зарослей и сзади — за ними пристально следили десятки враждебных глаз. Дула автоматов целились им в спины. Лошади медленно шли по тропе, уводя их всё дальше от безопасной зоны. Солнечный свет окончательно померк в густых ветвях, и всадники снова погрузились в зловещий полумрак джунглей.

<http://bllate.org/book/19434/1999071>